
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 355/359(091)(510)«1938/1943»

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.054

Советские военные советники в Китайской Республике в 1938–1943 гг. (по материалам воспоминаний)

Новиков Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматриваются особенности деятельности советских военных советников, командированных в 1938–1943 гг. в Китайскую Республику для оказания помощи в строительстве современной по тому времени армии, в планировании и проведении оборонительных и наступательных операций. Представлена организационная структура советнического аппарата, включая 4-х главных военных советников (М. И. Дратвин, А. И. Черепанов, К. М. Качанов, В. И. Чуйков). Отмечается, что в аппарате советников были представители всех родов войск: общевойсковые, артиллерийские, авиационные, танковые, инженерные, специалисты по связи, ПВО, тылу, разведки, а также военные врачи. На основе воспоминаний рассматриваются особенности деятельности советников на китайском театре военных действий, специфика взаимоотношений с китайскими военачальниками. По свидетельству мемуаристов, направленные в Китай советские офицеры не проходили специальное обучение для выполнения функций советников, опыт советников, работавших в Китае в 1920-е гг. обобщен не был, а инструкции представителей наркомата обороны носили самый общий характер: надо помочь китайским товарищам. В воспоминаниях выделяется несколько проблем в работе советников с китайскими генералами: наличие в командном составе китайских вооруженных сил генералов-феодалов, получивших военное образование в военных академиях западных стран и Японии и имевших свое представление о задачах борьбы с японской агрессией; разрыв в воинских званиях (советские майоры – советники китайских генералов); возрастной барьер (советники были значительно моложе китайских генералов, которым они должны были что-то советовать); языковой барьер. К числу психологических особенностей китайских генералов советники относили привязанность к традициям и нетерпимость к критике, даже самой разумной. С этим были связаны рекомендации особого подхода к китайским генералам. Рассматривается вопрос, связанный со взаимоотношениями в ходе войны руководителей Гоминьдана и КПК, Чан Кайши и Мао Цзэдуна. Подчеркивается, что отзыв советников в СССР в 1943 г. был связан прежде всего с ростом масштабов американской военной помощи Китаю, в том числе советниками.

Ключевые слова: СССР, Китайская Республика, японская агрессия, китайская армия, военная помощь, советники.

Главной целью советской внешней политики в середине 1930-х гг. становится противодействие агрессивной политике нацистской Германии в Европе и «милитаристско-фашистской» Японии [13, с. 536] в Азии. В рамках этого направления своей деятельности руководство СССР предпринимало попытки создания систем коллективной безопасности в Европе и Азии из стран – потенциальных жертв агрессии, добившись лишь локального успеха подписанием договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией в мае 1935 г. [5, с. 309–312; 6, с. 333–336], имевших к сожалению, ограниченный характер применения. Опираясь на растущую военно-экономическую мощь страны, советское руководство было готово не только к коллективным действиям, которые так и не состоялись не по вине СССР, но и в одиночку противодействовать силовыми методами расширению зоны влияния мирового фашизма.

7 июля 1937 г. Япония начала полномасштабную войну против Китая, рассчитывая на быстрый разгром слабой китайской армии, ее капитуляцию и превращение Китая в свою колонию. Обращение антисоветски настроенного президента Китайской Республики Чан Кайши

к западным державам за военной помощью осталось без ответа, тогда он был вынужден искать пути сближения с СССР. Поскольку в той ситуации стратегическим интересам Советского Союза отвечал самостоятельный независимый Китай, имевший шанс превращения в японскую колонию и плацдарм для нападения на СССР, советское руководство продемонстрировало встречное движение [17; 19, с. 430], завершившееся подписанием Договора о ненападении 21 августа 1937 г. [7, с. 466–468] и аффилированных с ним устных договоренностей о военной помощи и политико-экономических условиях ее оказания [10, с. 74–76].

Обращаясь к Сталину с просьбой о поставках военной техники, оружия и военного снаряжения, правительство Чан Кайши одновременно просило направить в Китайскую Республику и советских военных специалистов. Это было продиктовано необходимостью обслуживания советской военной техники и обучения китайских военнослужащих навыкам владения ею, а также необходимостью подтягивания уровня китайских командных кадров в сферах управления военными подразделениями, планирования и проведения военных операций.

Проблема участия советских военных советников в войне Китая против Японии не становилась предметом исследования как общих, так и специальных работ отечественных историков и в советский и постсоветский периоды, авторы которых, как правило, акцентировали внимание на результатах деятельности советников [1; 2; 3; 4; 14; 18]. В нашем исследовании рассматривается прежде всего специфика взаимоотношений советников с китайскими командирами.

В самом начале японо-китайской войны аппарат военного атташе посольства СССР в Китайской Республике разработал для командования китайской армии ряд рекомендаций неотложного характера с целью изменения неудачного хода военных действий: «Решительно отказаться от применения пассивной обороны, активизировать действия на всех фронтах, создать в каждой армии маневренные группы из кавалерии и пехоты, посаженной на автомобили, наносить ими решительные удары по флангам наступающих войск; шире использовать слабые стороны противника, прежде всего территориальную разобщенность его войсковых групп; смелее осуществлять внезапные нападения на эти группы; глубже проникать в промежутки между ними; перестроить систему обороны, вместо линейной обороны создать систему обороны, состоящую из отдельных опорных пунктов, связанных в огневом отношении; иметь достаточно сильные резервы с задачей нанесения контрударов, противодействовать японским обходам; приучать войска не бояться выхода противников на фланги и в тыл; смело вести борьбу в полуокружении и окружении не только в городах, но и в полевых условиях; преодолеть боязнь техники противника; в тех случаях, когда нет возможности технике противника противопоставить свою технику, шире опираться на преимущество, даваемое местностью и временем суток; для борьбы с танками использовать огонь гранатометчиков, стрельбу снайперов по смотровым щелям, смелее завлекать противника в такие районы, где по условиям местности ему трудно передвигаться и использовать технику; внедрить в среду командного состава твердое понимание необходимости взаимодействия во всех инстанциях; заменить на командных должностях тех генералов, которые отстали в понимании современных способов вооруженной борьбы; организовать партизанское движение в тылу противника, подчинить его центральному руководству и увязать действия партизан с операциями регулярных войск на фронте» [3, с. 57, 58].

К сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин предложенные рекомендации не нашли практического воплощения. Весной 1938 г. китайская и советская стороны принимают согласованное решение о направлении в Китай военных советников. Первая группа военных советников в составе 27 человек прибыла в Китай в мае – июне 1938 г. В дальнейшем их число возросло, на 20 октября 1939 г. в китайской армии находилось 80 советников: в пехоте – 27, в артиллерии – 14, в инженерных войсках – 8, в бронетанковых войсках – 12, в войсках связи – 12, в войсках химзащиты – 2, в тыловых частях – 3, в военных госпиталях – 2. Всего в 1937–1940 гг. в Китае работали более 300 советских военных советников [18, с. 127].

Группу военных советников возглавлял главный военный советник, в разное время это были М. И. Драгвин (май 1938 – август 1939), А. И. Черепанов (август 1938 – август 1939), К. М. Качанов (сентябрь 1939 – февраль 1941), В. И. Чуйков (февраль 1941 – февраль 1942). Примечательно, что некоторые военные советники успели поучаствовать не только в войне Китая против Японии, но и в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. Так, К. М. Качанов выполнял обязанности главного военного советника Народной армии Испанской Республики в 1938–1939 гг.

А. И. Черепанов и М. И. Дратвин воевали в Китае в качестве советников Национально-революционной армии правительства Сунь Ятсена в 1923–1927 гг. и 1925–1926 гг. соответственно.

Деятельность советников распространялась на центральные военные органы Китайской Республики и действующую армию (основные военные районы). В аппарате советников были представители всех родов войск: общевойсковые, артиллерийские, авиационные, танковые советники, саперы, военные врачи, специалисты по связи, тылу, противовоздушной обороне и разведке. При центральных органах и войсках старшими советниками работали И. П. Алферов (5-й военный район), Ф. Ф. Алябушев (9-й военный район), П. Ф. Батицкий, А. К. Берестов (2-й военный район), Н. А. Бобров, А. Н. Боголюбов, А. В. Васильев, М. М. Матвеев (3-й военный район), Р. И. Панин, П. С. Рыбалко, М. А. Щукин (1-й военный район) и др. Старшими советниками были: по авиации П. Н. Анисимов, Ф. П. Польшин, П. В. Рычагов, Г. И. Тхор, Т. Т. Хрюкин; по танкам – П. Д. Белов, Н. К. Чесноков; по артиллерии и ПВО – И. Б. Голубев, Я. М. Табутченко, И. А. Шилов; по инженерным войскам – И. П. Батуров, А. Я. Калягин, А. П. Ковалев; по военно-медицинской службе – П. М. Журавлев; по разведке – И. Г. Ленчик, С. П. Константинов, М. С. Шмелев и др. [22, с. 119].

По свидетельству В. И. Чуйкова, военные советники прикомандировывались к военным районам, в состав которых входило несколько армий и которые соответствовали нашему понятию фронт, кроме Особого района, контролировавшегося КПК. В коммунистических войсках, – пишет Чуйков, – наших военных советников не было, «там находилось несколько наших корреспондентов, которых пропускали туда только с ведома самого Чан Кайши» [23, с. 92]. Чуйков, конечно, мог и не знать, что под видом корреспондентов ТАСС в Особом районе работали советские военные специалисты [20, с. 185].

С учетом испанского опыта были разработаны обязанности военного советника, который обязывался помогать китайскому командиру во всех сферах его деятельности: в принятии боевых решений, в обучении командного состава, в организации военного снабжения, в осуществлении контроля за выполнением приказов, в составлении программ боевой подготовки [3, с. 58, 59]. В случае несогласия советника с решением китайского командира он имел право оперативного информирования главного военного советника и через него главнокомандующего армией Китайской Республики.

Некоторые проблемы в деятельности советских военных советников в Китае нашли отражение в воспоминаниях генерал-лейтенанта А. Я. Калягина. «Мало кто представляет себе, – писал Калягин, – что военный советник – сложная и ответственная должность, к которой не готовила ни одна академия мира. Мы не составляли исключения: боевой опыт Первой мировой и гражданской войн, академическая подготовка и опыт командования частями и соединениями говорили о наших возможностях как военачальников, но не о способностях военных советников. Перед тем как приступить к работе, мы смутно представляли себе круг обязанностей советников и меру его ответственности. Опыт наших предшественников, работавших в Китае в 1924–1927 гг., обобщен не был, инструкции товарищей, напутствующих нас при отъезде, носили общий характер: мы интернационалисты и обязаны помочь народу, попавшему в беду» [9, с. 53].

Калягин сообщает, что в процессе работы возникало много сложностей, причем не только в чисто военных вопросах, но и в непривычной обстановке в стране, в провинции, в волости. «Именно умение понять эту обстановку и приспособиться к ней, – подчеркивает Калягин, – определяло наше взаимоотношение с генералами и представителями местной власти». Первой проблемой Калягин считал то обстоятельство, что советы приходилось давать генералам-феодалам, получившим военное образование в академиях США, Германии, Англии, Японии и имевших свое представление о социально-политической обстановке в стране и задачах борьбы с японской агрессией. «Опыт показал, – отмечает Калягин, – что советник в какой-то мере должен быть и дипломатом: не спешить, советы давать только на основе фактов, подтвержденных документами и оправданных историческим опытом. Нужно быть и психологом: заботиться о престиже собеседника, предвидеть его намерения».

Второй проблемой Калягин считал «немалый разрыв в воинских званиях», так, по его словам, при командующем первым военным районом генерале Вэй Лихуане советником работал майор М. А. Щукин, при командующем третьим военным районом генерале Се Яо – майор М. М. Матвеев. «В ряде мест, – пишет Калягин, – советниками были капитаны. Согласитесь, не каждый генерал сразу примет предложение советника-капитана, если даже эти предложения отлично обоснованы и безупречно сформулированы» [9, с. 62]. Как отмечает Калягин,

«китайские генералы заботились прежде всего о своем престиже, сохранении авторитета». «Потеря лица» считалась непоправимым позором, поэтому предложения советников-капитанов изучались иногда так долго, что они становились не актуальными, зато «престиж генералов» оставался незыблемым [9, с. 63].

С проблемой разрыва в воинских званиях был связан и возрастной барьер. Советниками работали капитаны и майоры 25–30 лет, подполковники и полковники – 35–40 лет, в то время как китайские генералы, как правило, находились в возрасте 55–70 лет. «Игнорировать этот барьер мы не могли, – пишет Калягин, – и преодолевали его при помощи скромности, простоты в обращении и внимательности, что действовало безошибочно... и за все время работы в Китае не было ни одного случая размолвки из-за ущемленного самолюбия генералов. Наши предложения со вниманием изучались и с незначительными изменениями проводились в жизнь. Это был показатель боевого содружества советников с китайской национальной армией, доброго согласия и взаимного понимания» [9, с. 63].

Третьей проблемой Калягин считал языковой барьер, преодолеть который советники пытались через быстрое освоение китайского языка, что оказалось нереальным, используя язык-посредник – английский, немецкий, французский, которыми владели и многие китайские офицеры, обучавшиеся в военных академиях Европы, используя схемы, чертежи, диаграммы. «Знание языка страны, – подчеркивает Калягин, – одно из непременных условий при подборе советников. Язык сближает с народом, повышает качество выполняемой советниками работы и, что немаловажно, – исключает возможность искажения фактов и выводов при переводе» [9, с. 64].

Штаб главного военного советника принял активное участие в подготовке обороны г. Уханя, предложив свой план, согласно которому предполагалось измотать и обескровить противника на заранее подготовленных рубежах. Как пишет Калягин, «советники понимали, что отныне за все неудачи на фронте они будут нести долю ответственности перед китайским народом, поэтому принимали эффективные меры к тому, чтобы подготовить резервные части к активным боевым действиям против хорошо вооруженной и по-современному обученной японской армии. Наши товарищи не сидели в кабинетах, а ездили по фронтам и штабам, стремясь доказать необходимость проведения тех или иных мероприятий и осуществить их» [9, с. 236].

В разгар битвы за Ухань произошла замена главного военного советника: на смену М. И. Дратвину в августе 1938 г. прибыл А. И. Черепанов, который представил китайскому командованию новые предложения по вопросам обороны города [22, с. 121, 122]. Он не разделял упаднические настроения китайских генералов, готовившихся к очередному отступлению. Предложения Черепанова о контратаках на отдельных участках и активной обороне на других были поддержаны Чан Кайши, однако до их полной реализации дело не дошло [21, с. 631–633].

Анализируя итоги сражения за Ухань, Калягин отмечает, что в ходе пятимесячных боев (13 июля – 12 ноября 1938 г.) японская армия потеряла около 444 тыс. солдат и офицеров, в том числе 148 тыс. убитыми, и что китайские потери составляли примерно такую же цифру. «Именно здесь под Уханем, – пишет Калягин, – японская армия лишилась ореола непобедимости, а главное – японские солдаты с этих пор утратили веру в победу над Китаем. В то же время китайская армия и ее армейские кадры показали рост боевого мастерства, умение владеть современной военной техникой, приобрели уверенность в своих силах» [9, с. 284].

Калягин приводит в своих мемуарах консолидированное мнение китайских историков о том, что «одной из важнейших причин длительной и стойкой обороны Уханя являлась советская помощь вооружением, активная работа советников и боевые успехи советских летчиков-добровольцев» [9, с. 284, 285]. Как отмечает Черепанов в своих воспоминаниях, китайское командование не сразу разобралось в новой для них тактике ведения боевых действий. Хорошим примером для китайского командования Черепанов считает операцию под Чанша, разработанную советскими советниками, в ходе которой японские войска не только были остановлены, но и отброшены от города на значительное расстояние [21, с. 635–647].

Позитивные результаты, достигнутые армией Китая к концу 1938 г., стали в значительной степени следствием деятельности советских военных советников, обладавших высокой боевой подготовкой и сумевших в короткие сроки обучить китайских военнослужащих владению советским оружием. По мнению советских военных историков, «деятельность советников очень быстро стала давать ощутимые результаты: повысилась организованность личного состава, усилилась четкость управления, возросла грамотность принимаемых реше-

ний, поднялась боеспособность и активность китайских войск... разработанные ранее советскими представителями рекомендации начали практически претворяться в жизнь» [3, с. 59].

Оснащенные советской боевой техникой и вооружением 40 пехотных дивизий стали самыми боеспособными из 246 дивизий армии Чан Кайши. Благодаря советской помощи к августу 1938 г. была сформирована первая в китайской армии мотомеханизированная дивизия, шла ускоренная подготовка танковых экипажей, сыгравших важную роль в одном из боев в районе Ханькоу в октябре 1938 г. Самым главным результатом деятельности советских военных советников можно считать изменившееся соотношение боевых потерь личного состава китайской армии и армии Японии, составлявших в начале войны 5:1 и даже 8:1 во время битвы за Шанхай и практически уравнившихся к началу 1939 г. [8, с. 204, 205].

В. И. Чуйков, будущий герой Сталинградской битвы и будущий маршал Советского Союза, после аудиенции у Сталина в декабре 1940 г. получил назначение на должность военного атташе в посольстве СССР в Китайской Республике с последующим принятием обязанностей главного военного советника при Чан Кайши. Вместе с ним в Китай направлялись 15 военных советников и специалистов, никто из которых, как отмечает Чуйков, не владел китайским языком [23, с. 60].

В. И. Чуйков, изучавший китайский язык и имевший опыт взаимодействия с китайскими военными, отмечает этнопсихологические особенности китайских командиров, с которыми взаимодействовали советские военные советники, и сообщает о выработанных им рекомендациях для улучшения взаимопонимания. Он пишет об особой чувствительности китайцев, их привязанности к сложившимся обычаям и нетерпимости «к критике, даже самой разумной». Чуйков рассказывает о выработанном им «особом подходе» во взаимоотношениях с китайскими военачальниками, который сводился к следующему: «Скажем, китайский генерал принимает решение на оборону или наступление. В этом решении много несуразностей, чтобы не сказать большего. Если советник открыто раскритикует план, он этим наживет себе врага, в лучшем случае китайский генерал будет его игнорировать и не станет приглашать к разработке планов и решений. Во всех случаях советник, изучая решение или план китайского военачальника, должен во всеуслышание признать и объявить его хорошим, если не гениальным или превосходным. Но под предлогом, чтобы подчиненные китайского генерала лучше поняли и усвоили план, попросить разрешение внести несколько уточнений... Такая помощь будет принята, и предложение советника станет приводиться в жизнь как решение или план самого китайского командующего. В случае успешного выполнения этого решения или плана операции советник должен остаться в стороне, все лавры победы или успеха во всеуслышание адресовать своему генералу, а при неудаче – найти причины, оправдывающие действия командира и войск, и даже поздравить с победой» [23, с. 128, 129].

Чуйков подчеркивает, что ему и его помощникам пришлось приложить большие усилия, чтобы донести до военных советников эту нехитрую азбуку взаимоотношений с китайскими командирами. «И те, – пишет Чуйков, – кто усвоил этот особый подход к китайцам, необходимый для того, чтобы совместно с ними работать и воевать против японцев, научились более эффективно помогать им и в то же время, когда это было нужно, удерживать от ошибок» [23, с. 129].

Как явствует из мемуаров Чуйкова, самой сложной проблемой в его работе оказались взаимоотношения Гоминьдана и КПК. Сталин, напутствуя Чуйкова перед командировкой в Китай, подчеркивал, что КПК опирается на «беднейших, забытых и неграмотных крестьян... недооценивает растущий рабочий класс, а это не может не наложить свой отпечаток на ее идеологию, на ее лозунги, на ее понимание политических задач в революции. В китайской компартии довольно значительны националистические устремления. В ее рядах недостаточно развито чувство интернациональной солидарности. Вместо того, чтобы на этом этапе объединиться в единый фронт против японского агрессора, Чан Кайши и Мао Цзедун не забыли старые разногласия. С той и другой стороны идет борьба за влияние и власть. Мао боится Чан Кайши, а Чан Кайши боится Мао... Казалось бы, китайские коммунисты нам ближе, чем Чан Кайши. Казалось бы, им и должна быть оказана главная помощь... Но эта помощь выглядела бы как экспорт революции в страну, с которой мы связаны дипломатическими отношениями. КПК и рабочий класс еще слабы, чтобы быть руководителем в борьбе против агрессора... Кроме того, империалистические державы едва ли допустят замену Чан Кайши китайской коммунистической партией». В качестве главной задачи Сталин обозначил «крепко связать руки японскому агрессору... чтобы избежать войны на два фронта, если немецкие агрессоры

нападут на нашу страну», а для этого надо было «не только помочь Чан Кайши и его генералам умением воспользоваться оружием, которое мы им посылаем, но и внушить Чан Кайши уверенность в победе над японскими захватчиками» [23, с. 56–58].

Вскоре после приезда Чуйкову пришлось реагировать на военную провокацию Чан Кайши в отношении Новой 4-й армии КПК в Южном Аньхое. Как пишет Чуйков, «положение было не из легких. Мы имели договорные обязательства перед правительством Чан Кайши, наши душевные симпатии были с китайскими коммунистами... Вместе с тем, если бы мы открыто объявили о поддержке китайских коммунистов, Чан Кайши под давлением своих западных покровителей и соратников по Гоминьдану вновь мог пойти на осложнение отношений с нами, что было бы на руку японским агрессорам. Оставалась лишь одна возможность – дать понять Чан Кайши, что его агрессивные действия против коммунистов... могут повлиять на поставку военной помощи со стороны Советского Союза» [23, с. 76].

Анализируя результаты своей деятельности по доведению до Чан Кайши возможности прекращения советской военной помощи в ответ на междуусобную борьбу с КПК, Чуйков отмечает, что в тот период Чан Кайши «временно не пошел на дальнейшее обострение борьбы с коммунистами». По мнению Чуйкова, этому способствовали как не радужные перспективы ухудшения отношений с Советским Союзом, так и тяжелая социально-экономическая обстановка в стране, вызывавшая массовое недовольство и отрицательное отношение к возобновлению гражданской войны с КПК [23, с. 84].

С течением времени, отмечает Чуйков, пришло осознание, что внутри КПК и Гоминьдана влиятельные силы выступали против единого антияпонского фронта, преследуя свои узкопартийные интересы. Так, Чан Кайши, используя статус главнокомандующего, при каждом удобном случае пытался подставить войска КПК под удар японцев или поставить им заведомо невыполнимую задачу с целью максимально ослабить их или уничтожить. Часть руководства КПК во главе с Мао Цзедун, понимая политику Чан Кайши, «также считали, – пишет Чуйков, – своим врагом номер один не японцев, а Гоминьдан и его армию. Между ними шла жестокая, хотя и скрытая борьба, но о ней знали многие» [23, с. 70].

Постепенно Чуйков пришел к следующему выводу: «Чан Кайши и Мао Цзедун одинаково считали, что исход начавшейся Второй мировой войны должен и будет решаться в борьбе между великими державами, в то время как они, избегая активных действий против агрессора, должны сберечь и накопить силы для будущей схватки друг с другом» [23, с. 70].

Скрытая вражда руководства КПК и Гоминьдана отрицательно сказывалась на проведении боевых операций против японских войск. Как пишет Чуйков, «за время пребывания в Чунцине я неоднократно был свидетелем, как срывалась организация взаимодействия регулярных войск КПК и гоминьдановской армии. Ответственными за это были в равной степени и Мао Цзедун, и Чан Кайши» [23, с. 146].

Как пишет Чуйков, «Мао считал, что война с Японией ему была навязана Коминтерном, который, якобы, связал КПК руки в рамках единого фронта с Гоминьданом, что в военных действиях с японцами КПК мало что приобретала, но многое теряла, поскольку помощь Китаю со стороны западных держав и Советского Союза шла центральному правительству, т. е. Чан Кайши, а последний ничем не помогал КПК и ее вооруженным силам» [23, с. 146].

В обязанности главного военного советника, по свидетельству Чуйкова, входило еженедельное участие в заседаниях Военного совета, официальным председателем которого был сам Чан Кайши, проходившего, как правило, под председательством военного министра. От КПК в состав совета входили два представителя – Чжоу Эньлай и маршал Фэн Юйсян, которых Чуйков ни разу не видел на заседаниях и считал это большой ошибкой. «Такой демонстративный бойкот военного совета со стороны представителя КПК, – подчеркивает Чуйков, – подрывал основу совместной борьбы против японцев, свидетельствовал о непрекращающихся разногласиях между КПК и Гоминьданом» [23, с. 139].

Как отмечает Чуйков, Чан Кайши через свою службу контрразведки держал под контролем деятельность советских военных советников, подсылая своих агентов, организуя прослушивание помещений и наружное наблюдение. «Мы знали, – пишет Чуйков, – что в наших помещениях были установлены аппараты подслушивания, но считали напрасным трудом их обезвреживать или ликвидировать... наоборот, стремились через эту аппаратуру дезинформировать соответствующие службы». Чуйков также отмечает, что он никогда не замечал наружной слежки, «но только потому, что ее вели весьма искусно» [23, с. 139].

В. И. Чуйков, последний главный военный советник в Китае, полагал, что основной причиной свертывания деятельности советских военных советников стало не начало Великой

Отечественной войны, а масштабная военная помощь США режиму Чан Кайши после нападения Японии на Перл-Харбор. Такого же мнения придерживается Н. Л. Мамаева [12, с. 33, 34]. Американское руководство, терпевшее военные поражения на первом этапе Тихоокеанской войны, было крайне заинтересовано в Китае как в союзнике и, соответственно, в активизации китайского фронта. «Одновременно, – пишет Чуйков, – все более четко начала проявляться ориентация гоминьдановского руководства во главе с Чан Кайши на Соединенные Штаты. Я считал, что в такой обстановке мне как главному военному советнику делать в Китае нечего. Конкурировать своими советами с американским генералом Стилуэллом было нецелесообразно и даже вредно. Вмешиваться или давать советы Чан Кайши или генеральному штабу китайской армии, как помогать американцам и англичанам в борьбе с японцами, я не мог, и это не имело смысла». На самом деле В. И. Чуйков был отозван советским руководством из Китая в связи со скандалом, вызванным его интервью одной из китайских газет 2 января 1942 г., в котором он, якобы, заявил о планах СССР вступить в войну с Японией после победы над Германией [11, с. 115–117; 23, с. 262].

Одностороннее решение советского правительства об отзыве военных советников в 1943 г. стало реакцией на действия китайского руководства, связанные с переводом советских военных советников, подозреваемых в сочувствии к КПК, на преподавательскую работу в военных учебных заведениях. Поводом послужила постановка вопроса адмиралом Янь Сюаньчэном об отзыве советника по авиации [16, с. 290]. По мнению Н. Л. Мамаевой, события Великой Отечественной войны практически не отразились на решимости советского руководства и дальше помогать Китайской Республике. Сокращение военных поставок было обусловлено растущим потоком американского оружия, поставляемого армии Чан Кайши по ленд-лизу [12, с. 33, 34].

Как видно из приведенных выше воспоминаний советских военных советников, их деятельность в Китае была сопряжена с серьезными трудностями, существенно влиявшими на ее эффективность. Тем не менее большинство отечественных и зарубежных историков дают высокую оценку вкладу советских военных специалистов в процесс модернизации вооруженных сил Китайской Республики. Такого же мнения придерживалось и руководство КР, в обращении к советскому правительству в январе 1940 г. подчеркивалось, что благодаря деятельности советских военных советников «отмечаются большие успехи в деле вооруженного сопротивления Китая агрессорам» [15, с. 566].

Одним из показателей качества советских военных советников в Китае можно считать высокие воинские звания, полученные ими в период Великой Отечественной войны: маршалы Советского Союза П. Ф. Батицкий, В. И. Чуйков, маршалы родов войск П. В. Рычагов, П. Ф. Жигарев, П. С. Рыбалко, К. П. Козаков, генералы П. И. Батов, А. Н. Боголюбов, А. Г. Рытов, М. И. Дратвин, А. И. Черепанов, А. Я. Калягин, Р. И. Панин, И. П. Алферов, М. И. Блохин, Г. И. Тхор, Н. В. Славин и др.

Список литературы

1. Астафьев Г. В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945 гг.) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 74–82.
2. Бородин Б. А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937–1941. М. : Мысль, 1965. 200 с.
3. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М. : Воениздат, 1975. 190 с.
4. Волкова И. В. Участие советских военных советников в обороне «Трехградья Ухань» 1938 г. (по материалам мемуаров) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. URL: <http://www.science-education.ru/131-23873> (дата обращения: 09.12.2022).
5. Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой. 2 мая 1935 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 18. М. : Политиздат, 1973. С. 309–312.
6. Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Чехословацкой. 16 мая 1935 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 18. М. : Политиздат, 1973. С. 333–336.
7. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой. 21 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20. Январь – декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. С. 466–468.
8. Из протокола № 2 заседания бригады по разработке китайского вопроса. 5 июля 1939 г. // ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Т. V. 1937 – май 1943 / ред.: М. Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 204–205.

9. Калягин А. Я. По незнакомым дорогам (записки военного советника в Китае). Изд. 2-е, доп. М. : Наука, 1979. 445 с.
10. Краткая запись Г. Димитрова беседы с И. В. Сталиным в Кремле. 11 ноября 1937 г. // ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Т. V. 1937 – май 1943 / ред.: М. Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 74–76.
11. Ледовский А. М. Записки дипломата // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1. С. 108–118.
12. Мамаева Н. Л. Дипломатия СССР и США и проблема внутривосточной стабильности в Китае в период японо-китайской войны / ред. С. Г. Лузянин // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М. : Институт Дальнего Востока РАН, 2012. С. 30–36.
13. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 гг. / пер. с англ. Д. Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. Изд. 2-е, испр. М. : Дело : РАНХиГС, 2020. 696 с.
14. Мильбах В. С., Назаренко И. С. Особенности деятельности советских военных советников и специалистов в Китае в 1937–1941 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 39. С. 59–67.
15. Нота правительства Китайской Республики Советскому правительству с просьбой дополнительно направить в Китай военных советников разных родов войск на 1940 г. / отв. ред. С. Л. Тихвинский // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1917–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 566, 567.
16. Панюшкин А. С. Записки посла: Китай 1939–1944 гг. М., 1981. 319 с.
17. Сидоров А. Ю. Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 122–138.
18. Сотникова И. Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 123–133.
19. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу. 31 июля 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20. Январь – декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. С. 430.
20. Телеграмма Дэн Фа Г. Димитрову. 28 марта 1939 г. // ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Т. V. 1937 – май 1943 / ред. М. Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 185.
21. Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Наука, 1976. 648 с.
22. Чудодеев Ю. В. Советские военные советники в Китае (1937–1942 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 2. С. 117–124.
23. Чуйков В. И. Миссия в Китае. Записки военного советника. М. : Наука, 1981. 270 с.

Soviet military advisers in the Republic of China in 1938–1943 (based on memoirs)

Novikov Mikhail Vasil'evich

Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article examines the specifics of the activities of Soviet military advisers sent to the Republic of China in 1938–1943 to assist in the construction of a modern army at that time, in planning and conducting defensive and offensive operations. The organizational structure of the soviet apparatus is presented, including 4 chief military advisers (M. I. Dratvin, A. I. Cherepanov, K. M. Kachanov, V. I. Chuikov). It is noted that the staff of advisers included representatives of all branches of the armed forces: combined arms, artillery, aviation, tank, engineering, communications, air defense, logistics, intelligence, as well as military doctors. Based on the memoirs, the features of the advisers' activities in the Chinese theater of operations, the specifics of relations with Chinese military leaders are considered. According to memoirists, Soviet officers sent to China did not receive special training to perform the functions of advisers, the experience of advisers who worked in China in the 1920s. It was not generalized, and the instructions of the representatives of the People's Commissariat of Defense were of the most general nature: it is necessary to help the Chinese comrades. In the memoirs, several problems stand out in the work of advisers with Chinese generals: the presence in the command structure of the Chinese armed forces of feudal generals who received military education in military academies of Western countries and Japan and had their own idea of the tasks of combating Japanese aggression; the gap in military ranks (Soviet majors – advisers to Chinese generals); the age barrier (the advisers were much younger than the Chinese generals, to whom they had to advise something); the language barrier. The advisers attributed attachment to traditions and intolerance to criticism, even the most reasonable, to the psychological character-

istics of Chinese generals. Related to this were recommendations for a special approach to Chinese generals. The issue of the relationship between the leaders of the Kuomintang and the CPC, Chiang Kai-shek and Mao Zedong during the war is being considered. It is emphasized that the recall of advisers to the USSR in 1943 It was primarily associated with the growing scale of American military assistance to China, including advisers.

Keywords: USSR, Republic of China, Japanese aggression, Chinese army, military assistance, advisers.

References

1. Astaf'ev G. V. *Internacional'naya pomoshch' SSSR Kitayu (1917–1945 gg.)* [International assistance of the USSR to China (1917–1945)] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1984. No. 9. Pp. 74–82.
2. Borodin B. A. *Pomoshch' SSSR kitajskomu narodu v antiyaponskoj vojne 1937–1941* [Soviet aid to the Chinese people in the anti-Japanese war of 1937–1941]. M. Mysl (Thought). 1965. 200 p.
3. *Voennaya pomoshch' SSSR v osvoboditel'noj bor'be kitajskogo naroda* – Military assistance to the USSR in the liberation struggle of the Chinese people. M. Voenizdat. 1975. 190 p.
4. Volkova I. V. *Uchastie sovetских voennykh sovetnikov v oborone "Trehgrad'ya Uhan" 1938 g. (po materialam memuarov)* [Participation of Soviet military advisers in the defense of the "Three Cities of Wuhan" in 1938 (based on memoirs)] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* – Modern problems of science and education. 2015. No. 2–3. Available at: <http://www.science-education.ru/131-23873> (date accessed: 09.12.2022).
5. *Dogovor o vzaimnoj pomoshchi mezhdu Soyuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Francuzskoj Respublikoj. 2 maya 1935 g.* – Agreement on mutual assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the French Republic. May 2, 1935 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 18* – Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 18. M. Politizdat. 1973. Pp. 309–312.
6. *Dogovor o vzaimnoj pomoshchi mezhdu Soyuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Respublikoj Chexoslovackoj. 16 maya 1935 g.* – Agreement on Mutual Assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the Czechoslovak Republic. May 16, 1935 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 18* – Documents of the Foreign policy of the USSR. Vol. 18. M. Politizdat. 1973. Pp. 333–336.
7. *Dogovor o nenapadenii mezhdu Soyuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Kitajskoj Respublikoj. 21 avgusta 1937 g.* – Non-aggression agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of China. August 21, 1937 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 20* – Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 20. January – December 1937. M. Politizdat. 1976. Pp. 466–468.
8. *Iz protokola № 2 zasedaniya brigady po razrabotke kitajskogo voprosa. 5 iyulya 1939 g.* – From the minutes No. 2 of the meeting of the brigade for the development of the Chinese issue. July 5, 1939 // *VKP(b), Komintern i KPK v period antiyaponskoj vojny. T. V. 1937 – maj 1943* – VKP(b), the Comintern and the CPC during the anti-Japanese war. Vol. V. 1937 – May 1943 / ed.: M. L. Titarenko, M. Leitner et al. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2007. Pp. 204–205.
9. Kalyagin A. Ya. *Po neznakomym dorogam (zapiski voennogo sovetnika v Kitae). Izd. 2-e, dop.* [On unfamiliar roads (notes military Adviser in China). 2nd Ed., suppl.] M. Nauka (Science). 1979. 445 p.
10. *Kratkaya zapis' G. Dimitrova besedy s I. V. Stalinyim v Kremlje. 11 noyabrya 1937 g.* – Brief recording of G. Dimitrov's conversation with I. V. Stalin in the Kremlin. November 11, 1937 // *KP(b), Komintern i KPK v period antiyaponskoj vojny. T. V. 1937 – maj 1943* – VKP(b), the Comintern and the CPC during the anti-Japanese war. Vol. V. 1937 – May 1943 / ed.: M. L. Titarenko, M. Leitner et al. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2007. Pp. 74–76.
11. Ledovskij A. M. *Zapiski diplomata* [Notes of a diplomat] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Problems of the Far East. 1991. No. 1. Pp. 108–118.
12. Mamaeva N. L. *Diplomatiya SSSR i SShA i problema vnutripoliticheskoy stabil'nosti v Kitae v period yapon-kitajskoj vojny* [Diplomacy of the USSR and the USA and the problem of internal political stability in China during the Sino-Japanese war / ed. S. G. Luzyanin] // *Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy vo Vtoroj mirovoj vojne* – The role of the USSR and China in achieving victory in World War II. M. Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. 2012. Pp. 30–36.
13. Mann M. *Istochniki social'noj vlasti : v 4 t. T. 3. Global'nye imperii i revolyuciya, 1890–1945 gg.* [Sources of social power : in 4 vols. Vol. 3. Global empires and revolution, 1890–1945] / transl. from English by D. Y. Karasev; ed. by S. Moiseev. Ed. 2nd, corr. M. Delo : RANEP. 2020. 696 p.
14. Mil'bah V. S., Nazarenko I. S. *Osobennosti deyatel'nosti sovetских voennykh sovetnikov i specialistov v Kitae v 1937–1941 gg.* [Features of the activities of Soviet military advisers and specialists in China in 1937–1941] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* – News of Irkutsk State University. A series History. 2022. Vol. 39. Pp. 59–67.
15. *Nota pravitel'stva Kitajskoj Respubliki Sovetskomu pravitel'stvu s pros'boj dopolnitel'no napravit' v Kitaj voennykh sovetnikov raznykh rodov vojsk na 1940 g.* – Note from the Government of the Republic of China to the Soviet Government with a request to additionally send military advisers of various branches of the armed forces to China for 1940 / ed. S. L. Tikhvinsky // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1917–1945 gg. Kn. 1: 1937–1944 gg.* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1917–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of historical thought. 2000. Pp. 566, 567.

16. Panyushkin A. S. *Zapiski posla: Kitaj 1939–1944 gg.* [Ambassador's notes: China 1939–1944]. M. 1981. 319 p.
17. Sidorov A. Yu. *Problema zaklyucheniya pakta o nenapadenii v sovetsko-kitajskih otnosheniyah (1932–1937 gg.)* [The problem of concluding a non-aggression pact in Soviet-Chinese relations (1932–1937)] // *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 2009. No. 1. Pp. 122–138.
18. Sotnikova I. N. *Pomoshch' SSSR Kitayu v antiyaponskoj vojne 1937–1945 gg.* [Assistance of the USSR to China in the anti-Japanese war of 1937–1945] // *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 2011. No. 3. Pp. 123–133.
19. *Telegramma Narodnogo Komissara Inostrannyh Del SSSR Polnomochnomu Predstavitelju SSSR v Kitae D. V. Bogomolovu. 31 iyulya 1937 g.* – Telegram of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR to the Plenipotentiary Representative of the USSR in China D. V. Bogomolov. July 31, 1937 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR – Documents of the foreign policy of the USSR*. Vol. 20. January – December 1937, M. Politizdat. 1976. P. 430.
20. *Telegramma Den Fa G. Dimitrovu. 28 marta 1939 g.* – Telegram from Dan Fa to G. Dimitrov. March 28, 1939 // *VKP(b), Komintern i KPK v period antiyaponskoj vojny – VKP(b), the Comintern and the CPC during the anti-Japanese War*. Vol. V. 1937 – May 1943 / ed. M. L. Titarenko, M. Leitner et al. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2007. Pp. 185.
21. Cherepanov A. I. *Zapiski voennogo sovetnika v Kitae* [Notes of a military adviser in China. 2nd ed., corr. and suppl.] M. Nauka (Science). 1976. 648 p.
22. Chudodeev Yu. V. *Sovetskie voennye sovetniki v Kitae (1937–1942 gg.)* [Soviet military advisers in China (1937–1942)] // *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 1988. No. 2. Pp. 117–124.
23. Chujkov V. I. *Missiya v Kitae. Zapiski voennogo sovetnika* [Mission in China. Notes of a military adviser]. M. Nauka (Science). 1981. 270 p.